

Сборник рассказов
«Трак»

16+

Илья Кушнер

Мрак

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кушнер И. Л.

Мрак / И. Л. Кушнер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Мрачные рассказы с необычными сюжетами и неожиданными концовками. Реальное в сборнике объединяется со сверхъестественным и вклинивается в жизнь обычных людей – заставляет их пересмотреть свой взгляд на мир, в котором они живут. Ужас преследует героев, заставляя их прятаться или справляться с собой. Однако страх неумолим. Маленькие истории маленьких людей сборника «Мрак» не заставят вас заскучать! Кроме того, сможете ли вы понять все смыслы, которые заложил в сюжеты автор?

Содержание

Смирение	5
Часики	6
Ужин	8
Вонь	9
Ребенок	10
Суббота	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Смирение

Я ослеп: из глаз льётся кровь. Вокруг темнота.
Я резко вспрыгиваю со скрипящей кровати. Стою на чем-то мягком и холодном. Что это?
Скольжу по поверхности, то и дело попадаясь на что-то среднее между жидким и твердым. Руки покрываются льдом, я дышу на них: не помогает.

На ощупь прохожу по комнате – она поменялась. В раковине включаю горячую воду (она совершенно не греет) и смываю кровь.

Где моя жена?

«Настюша!.. Настюша!» – кричу я.

В дверь постучали.

Я пытаюсь подойти к ней. Стучат еще.

Поворачиваю замок. Дверь открывается. Мужской голос, искривленный эхом лестничной площадки, спрашивает:

«Анатолий Тусимин?»

«Да».

«Мне нужно осмотреть это помещение».

За окном где-то далеко играет детская мелодия. Из-за дальности она превращается в страшный шум смешанных криков.

«Да, проходите», – говорю я.

Дома жарко, но от окна идет сквозняк – русское лето.

Я слышу шаги человека по комнате. Он садится на мой скрипучий диван.

Мое дыхание сбивается. Волнуюсь: «На меня поступают жалобы?»

Человек, похоже, думал. Он не отвечал мне.

Мне страшно. Я срываюсь на крик: «Я ничего не делал с ней! Я не знаю, где Настюша! Я сам пытался найти ее!»

Человек продолжает молчать. Мои коленки дрожат, к горлу подступает ком. Я продолжаю уже полусшепотом: «Я просыпаюсь, слепой, в этом холоде... И ничего-ничего не понимаю. Из окна орёт детская музыка. Она не дает мне покоя.»

Я стучу ногами по полу, но звука нет. Переступаю с ноги на ногу: переживаю! Гость связывает мои руки – и я не могу двигаться...

«Что происходит? Отвечайте мне! Отвечайте!»

Он берет меня за руку, выдыхает: «Настюши давно нет, Анатолий. И окна тут нет».

В слезах я прислоняюсь к стене. Она обита матрасом, как и пол.

Часики

Дешевая лампочка накалилась докрасна. Глаза болели от тусклого света и напряжения. Широкая щель в окне пропускала вечерний сквозняк.

Трясущимися руками морщинистый старик пытался завести новые карманные часы. Он старался попасть иголкой в отверстие, чтобы повернуть механизм – но не мог: не хватало освещения. Уже полчаса он сидел над часами. Его кожа горела. Он нервничал. Режущее чувство подступающих слез в глазах мучило его. Несколько раз старик бросал свое дело и всхлипывал. Оборачивался, чтобы пожаловаться... но – никого не видел, и возвращался к работе.

Звонкий стук в стекло отвлек старика. Он испугался – и замер. В окно стучались настойчиво – и сильно. Пробирающий до костей ветер подвывал, будто волк, в такт стуку. Страх деда был оправдан: он жил на 5 этаже.

Стук не прекращался целую минуту. Дедушка встал, тяжело выпрямляясь. Больные колени не позволяли разогнуть ноги до конца.

Дзын-тук. Дзын-тук.

Ночной мрак поглотил окно. В черноте проглядывался только тусклый отблеск горячей лампы.

Старик подошёл к окну – и увидел лицо. Страшное лицо. Оно смотрело прямо на него, с большим выражением. Глаза лица совсем впали вовнутрь – и их будто не было; лоб сморщился; гнилые зубы открытого большого рта отталкивали.

Деду тяжело было смотреть на свое отражение в стекле.

Стук не прекращался – и старик открыл окно. В комнату влетел огромный мотыль, обезумевший от близости источника света. В исступлении разбиваясь об стены и потолок, он долетел до раскаленной лампы – резко сел на нее – и обожженный – свалился.

Половинки его хилых лапок сгорели. От невыносимой боли не способный двигаться, он лежал на спине и тихонько дрыгал обрубками ножек.

Замёрзший, овеянный холодным ветром из окна, старик уныло покачал головой и прошептал:

«Мотылек, малыш, что же ты? Смысл жизни в лампадке нашел и обжегся...»

Старичок мягко приподнял мотылька и расправил ему обмякшие крылышки, положил на сшитую покойной женой тряпочку и долго-долго смотрел на него.

Дедушка выключил лампочку, взял часы и иголку и на ощупь пошел на кухню.

Дорогие серебряные часики были положены на круглый деревянный стол с многочисленными порезами. Было видно, что резал на нем мужчина.

На ржавой плите грелся ужин. В ковше варилась белая густая каша. Очень вкусная. И хоть последние несколько лет она готовилась на воде, а не на молоке – дед все равно ее любил. Взяв ковшик за ручку, старик ел прямо из него, ложкой, не останавливаясь.

Задыхаясь от слишком быстрой трапезы, он, все же, успокаивался. Сытость всегда успокаивает.

На стенных (правильных) часах было 02:20 – глубокая ночь. На карманных часах зависло число 11:01.

Успокоившийся старик почему-то вскочил и спешно засеменял к мотыльку. Тот спокойно лежал в затемненной комнате.

Неприятный влажный ветерок скользил по ногам и спине. Старик наклонился над мотыльком и разглядывал его. Причудливые узоры серых крылышек еле виднелись в подступающих сумерках.

04:44 на часах.

Рассвет. В руках ощущается слабость от затяжного бодрствования; ноги – ватные.

На кухне с полузакрытыми глазами дедушка работает с часами. Напрягся – сжал иголку – попал. Наконец! Повернул механизм, настроил время. Остается спать 3 часа.

Уставший и измученный он ложится в постель. Ее ледяной холод освежает кожу. Спина ужасно болела, глаза резало. На лице дедушки появилась сначала еле заметная – потом – отчетливая улыбка. Что-то ждало его с утра, и он знал, что – завтра к нему – приезжает сын. У сына был день рождения – праздник.

Раннее утро. Громкий звонок в дверь. Не раздевавшийся на ночь старик, как молодой, вскакивает с постели и бежит к двери. Открывает ее.

Незнакомец.

Показав какие-то бумаги, он заходит в квартиру, рассматривает ее, фотографирует.

«Кто вы?» – спросил дед.

Незнакомец безучастно бросил: «Меня прислал ваш сын. Завтра вы уезжаете отсюда».

Дедушка приоткрыл рот: «Как?..»

«Ничего, вы получите треть от суммы продажи».

Дед опустил глаза: «А он... приедет сюда? Я собрал ему часики...»

Взгляд незнакомца упал на часы: они ему понравились: «Я передам *ему*, не беспокойтесь. Он сейчас очень занят».

Человек, обойдя единственную комнату и кухню, не попрощавшись, ушел. Дверь негромко хлопнула. Дед вдруг увидел, что часы остались лежать на круглом столе. Он резко схватил их, выбежал на лестничную площадку, но через оконце увидел, что затонированная машина уже уехала.

С обмякшими ногами дедушка зашел домой.

Его глаза широко раскрылись и наполнились влагой, а слабые веки затряслись.

Он гнусаво еле слышно прошептал: "Что ж это? Как это?.."

Качаясь, присел на пухлую прохладную постель. Потом прилёг.

"Как там мой мотылёк?.." – подумал дедушка и прикрыл глаза.

Исправные часики на кухне вдруг – остановились.

Ужин

Обстановка не очень радовала глаз: голые белые стены, холодный пол. Хотя есть в этом толика романтичности. И Вильям нашел ее для себя. Не сказать, что его раздражала эта комната, наоборот, ему даже нравилось тут. На доли секунды ему даже казалось, что лучше бы он и не выходил отсюда – никогда.

Его занимало всё: от разглядывания еле заметных царапин на бетоне до опытного определения скользкости пола – человек водил по нему ногами. Ему было всё интересно – и всё привлекало внимание... Однако, ожидание было очень волнительным и томительным. Вилли ждал одного человека, который должен был кардинально изменить его жизнь. Он еще не знал его – это была анонимная встреча.

Грядущий момент встречи беспокоил его. Он не мог думать ни о чем другом.

В комнату зашел человек. Вилли даже подскочил – но нет, это был не тот, кого он ждал. Незнакомец принес заказ Вильяма: невероятно вкусно пахнущие морским мясом оранжевые креветки во фритюре, алый от сочности бекон с белыми прослойками и бутылку его любимого вина.

Вильям, посмотрев на свой заказ, решил чуть-чуть подождать, чтобы усилить свой аппетит. Он опустился к блюдам и вдыхал легкий аромат креветок и сильный запах бекона (и не мог надыхаться). Разве что, вино он решил не трогать (пока что), чтобы не портить свое ощущение от открытия бутылки после трапезы.

Взяв вяленый бекон в руки, Вилли поднял его вверх надо ртом и потихоньку опускал вниз. Соленоватая хрустящая корочка коснулась его языка. Он не смог удержаться, чтобы не начать жевать. Мясной сок растекался по его рту. Вилли прикрыл глаза и дышал носом, чтобы вдруг не отпустить этот аромат.

После свинины остался соленый привкус. Ужасно хотелось пить. Мужчина взял бутылку вина и налил полный бокал. Это было некультурно, но какая, к черту, разница? Он начал залпом выпивать всю алую жидкость. Терпкий вкус с небольшими нотками алкоголя растекался по языку и горлу. Достигнув желудка, он взорвался красками удовольствия – горячим ощущением в груди. Вилли улыбнулся. Наконец-то наступило долгожданное расслабление. Вино ударило в голову – и он облизнул его остатки с губ.

Докончив хрустящий бекон, гурман приступил к креветкам. Их было всего 6 штук, но он собирался растянуть их надолго. Одна из оранжевых красоток была больше покрыта панировкой, чем остальные. Он взял ее – и надкусил маленький кусочек. Фритюрный вкус, такой вредный – но такой притягательный!

Запивая сытные креветки прохладным вином, Вильям не замечал течение времени. Алкоголь почти совсем успокоил его. Он совсем забыл о человеке, с которым должен был встретиться сегодня. Вилли развалился на стуле – и смотрел на пустые тарелки пустым взглядом.

За железной дверью послышались удары тяжелых ботфорт. Сначала вдалеке – потом совсем близко.

Ручка двери резко повернулась. Стальной звук ударил по ушам. Перед мужчиной встал тот, с кем он должен был встретиться. Долгожданный момент.

Вилли молча встал и убрал свои руки назад.

Послышался грубый голос вошедшего: «Как тебе твой последний ужин, подонок? Казнь ждет».

Вонь

Воняло жутко. Просто до невозможности. Воняло каким-то едким недельным потом, перемешанным с другими выделениями организма.

Олег ехал в электричке в то время года, когда тепло уже начало проявляться (на улице было градусов так 20°), а отопление ещё не решались отключать. Поэтому в вагоне электрички было не вдохнуть от создавшейся духоты.

Дешёвая потная рубашка неприятно прилипала к телу, раздражала кожу. Хотелось ёрзать.

С правой стороны от мужчины сидел, так сказать, излишне неимущий, многовато пьющий, на-кресле-развалющий персонаж. Предположительно, от него и исходил этот отвратительный запах.

Олега убежал от него в тамбур. Вдоволь насладившись случайными электричковыми связями (из-за толкучки), он наконец-то смог крепко встать на ногах.

Но и тут вонь заполонила пространство. Рядом с Олегом стояла жёлтая старуха.

"Ну и нищелюды: даже мыло купить не могут!" – процедил сквозь зубы наш пузатый герой и выскочил на своей станции.

Целый день эта потусторонняя вонь преследовала его: на работе вонял начальник, дома – жена. Запах был настолько силен, что полностью забивал нос и оседал липкой противной пленкой в горле.

Ища спасения, Олега спрятался в ванной без людей (он обыскал и унитаз, и раковину – ни человека!). Все равно пахло...

И тут Олег понял – вонь-то – от него.

Ребенок

Из соседней комнаты раздается надрывной детский плач: «Пааап! Хнн... Хны... Пааап!» Ребенок кричит и захлебывается в слезах.

«Как же раскалывается башка!» – думает Гена. – «Ребенку чё-то чудится...»

Геннадий вскакивает и бежит к сыну.

Маленький сын, закрывший крохотными ладошками лицо, хныкает и подергивается.

«Ну, чего случилось-то?» – раздраженно спрашивает Гена, пытаясь выместить на сыне недовольство от своей головной боли.

Ребенок, шмыгнув носиком, начинает, заикаясь, шептать: «В м...м...моей комнате другой м...м...мальчик. Он с...с...страшный – и злой... О...о...он стоит и смотрит глазами. Он смотрит не так, как смотрят мои друзья... Он смотрит плохо...»

Сынок сполз сильнее под пустую простынь, пытаясь укрыться полностью.

«П...п...папа, это пришла *смерть*...»

Геннадий выдохнул и сквозь зубы процедил: «Успокойся, никого нет... У меня в голову гвозди вбиваются, а ты меня со своими фантазиями... Спи! ...папе нужно срочно «улететь»».

Ребенок не слушает папу и только дрожащим голосом повторяет: «М...м...можно я приду к тебе? Можно я поплю с тобой?..»

Мужчина вспрыгивает и неуклюже идет в комнату, в которой спал. Невольно он оглядывается вокруг. Его квартира почти никак не обставлена: кроме кроватей, стоит всего пара пустых шкафов и старый пухлый телевизор. За ними виднеются голые стены и такой же пол. На нем валяются использованные шприцы. Уже остывшая гнутая ложка после предыдущего «приема» затерялась в давно не стираной постели.

После недолгих приготовлений: затягивания ремня на руке и нагревания содержимого ложки – Гена взял использованный в прошлый раз шприц и вколол очередную дозу. В грудь как будто что-то неприятно ударило. Так всегда происходит. Сейчас, сейчас наступит долгожданная эйфория. Глаза сами собой прикрываются – в предвкушении.

Слышны тихие шажки маленьких ножек. Гена наполовину открывает тяжелые веки. В его комнату как-то неуклюже заходит сынок – и встает перед ним. Сын неестественно морщится; его мордочка крючится из стороны в сторону, и мышцы подергиваются.

Гена взревел: «Чё! Я же тебе сказал, что никаких чудовищ нет!»

Ответа не последовало. Молчание.

Уголки губ Геннадия опустились. Мужчина испуганно запищал: «Черт, как же я упорлся... У меня же никогда – и не было детей».

Суббота

Темнота в детской комнате давила.

Маленький мальчик Стас умирал от скуки. Скоро мама должна была принести ему новые игрушки – и он не мог дождаться, когда же сможет распаковать их! У него, по правде говоря, никогда не было пластмассовых игрушек, да и друзей у него никогда не было... Каждую ночь малыш ждал их, а они никак не приходили...

Стасик просто ждал, посматривая на часы. Не то чтобы он умел читать время по часам, да и не то чтобы он понимал и чувствовал, что такое время, но периодическое смотрение на часики его успокаивало...

«Наверное, пора», – подумал мальчик и открыл шторы, чтобы немного осветить комнату, однако освещения не хватало – и он включил лампочку. Комната залилась теплым греющим светом.

От скуки малыш сделал еще несколько дел, которые слишком подробно из-за их невестости перечислять не стоит (ведь Стасик сам делал их из скуки), поэтому мы перечислим дела кратко:

2). Сделал маме чай (правда, разлил его по пути в комнату – и не стал убирать... Не его это мужское дело так-то!).

3). Решил погладить рассаду помидоров (ну а что? Вдруг расти быстрее будет. (Рассаду он тоже уронил, как и чай, и, как вы можете догадаться – убирать не стал)).

4). Поменял лампочку (не знаю, право, как у него это вышло... Малыш же).

5). Вспомнил о коте с попугаем, принес их в комнату – и нежно погладил (им, в отличие от помидоров, понравилось).

6). ...

Ой, это что, уже мама пришла?

Счастливый Станислав Янович выбегает к мамочке и наспех прыгает ей на шею (нет, он не собрался провести так всю жизнь, вы не подумайте), чтобы показать ей свое весьма хорошее расположение духа. А там, может, и у отца доброе расположение появится, как и у сына... Если отец узнает, как сыночек счастлив.

В руках мама держала долгожданную коробочку. Мама хотела было пошутить, что принесла петарды, на что сыночек ей ответил: «Ну какие петарды, мама! Из взрывов же не получить – ни игрушек, ничего!»

«Не скажи...» – задумчиво ответила мама-физик.

Но вот... Момент настал!

Распаковка звездной подарочной упаковки! Открытие коробочки! Ах, это детское счастье!

Со скоростью близкой к скорости света он начал брать и рассматривать каждую из игрушек:

Там были не особо интересные ему: мартышки, бегемотики, девочки – и другие животные. Но зато – там были и те, ради кого он так ждал этой распаковки – там были – человечки! Невероятно красивый солдат, белоснежный ученый и даже бизнесмен (с чемоданчиком). У ученого, правда, не хватало глаз (китайская бракованная игрушка, эх).

Играть с ними было интересно, но, увы, были они неживые какие-то, а Стасику не хватало именно настоящих друзей... Поиграв часок-другой, мальчик бросил это дело – и даже чуть-чуть заплакал... Грустно ему было: никто с ним не играл.

Выключив свет, он решил: 7) чуток отдохнуть – и уснул крепким сном.

Рассветное теплое солнышко ударило в глазки. Малыш проснулся. Вдруг он ощутил какое-то очень неприятное покалывание в ладони: как будто кто-то тыкал в нее иголкой. Он встрепенулся – вскочил.

Перед ним, смотря прямо на него – стоял солдатик – и колот в него штыком своей пластмассовой винтовки!

«Ты чего творишь, дурошлѐп ты эдакий?!» – разозлился Стасик.

Солдат удивился, что его штурм не удался, и атакованный им гигант еще не лежит поверженный, прося пощады. Подняв свою винтовку, он встал по позе «смирно» и отрапортовал: «Я солдат пластмассовой армии батальона Aliexpress!»

«Я не спрашивал, кто ты. Я знаю, что ты солдатик...» – как-то понурился Стас.

Около него рисующейся походкой прошел манерный бизнесменчик: «Ох-ох-ох, как мы живем плохо-то-о-о! Телевизор старинный, ковер от бабушки еще остался, видно! Одеты мы в какую-то... пластмассу! Придумал, братцы, чтобы нам хорошо жить, нам надо срочно продать – этого громилу, Станислава Яновича!» – и деловой мужчина показал пальцем на нашего мальчика.

«Как это... продать?» – совсем опустил голову Стасик.

Слепой ученый в очках, с трудом продвигающийся мимо Лего и мини мячиков, остановился, гордо поднял подбородок и скептически начал: «Как можно продать того, кого не существует? Не существует никакого Станислава Яновича! Это невозможно! Покажите мне его! Я не могу его увидеть!»

Солдат усмехнулся, подумав на секунду, что он умнее ученого, раз знает такие «очевидные» вещи: «Так слышать-то ты можешь? Аль оглох, старый?»

«Слышать? Да ваш Стас – это слуховая галлюцинация! Вы внушили себе, что он существует, а я по своей слабохарактерности тоже поддался обману природы...»

Бизнесмен подергал густыми усами, потопал ногой, ожидая, пока закончат бесполезный, по его мнению, разговор, и воскликнул: «Да какая разница! О чем спорить, братцы? Продать можно что угодно, поверьте мне! Даже непродаваемого, казалось бы, Станислава Яновича – мы продадим!»

Кроха совсем не понимал, что же происходит вокруг. Он был, конечно, безумно рад ожившим игрушкам, но что же они все такие странные? Взяв в руки одного, второго, третьего, мальчик слышал одни и те же возмущенные возгласы: «Отпусти!» да «Свободы хотим!». Однако, за время верчения этих милых куколок, Стасик разглядел их интересную внешность: солдатик был одет в зеленую форму, держал в руках зеленую винтовку, да и, по правде говоря, сам был зеленый, как молодое болотце – один во весь цвет; слепой ученый, носящий большие очки, был сделан покачественнее – белоснежный халат, сделанный из пластмассы, более походил на настоящее медицинское одеяние из-за своих удивительно правдоподобных складочек (правда, под белоснежным халатом было довольно неважное тело, от которого руки, ноги, голова и другие кусочки вот-вот – да и отвалятся, и только чистенькая одежда всё это дело (тело) надежно скрепляла); зато усатый бизнесмен, одетый в черный дорогуший (по меркам экономики пластмассового государства) смокинг – выглядел убедительно. Вообще, бизнесмен был главным в этой троице: на него интуитивно глядел даже слепой профессор, когда возникал какой-нибудь вопрос, слушал его – и, высказываясь, пытался не слишком противоречить мнению лидера. Черные туфли, черный смокинг, черные усы, черные брови и волосы, черная ду... Ой, ну, это оставим на потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.